

«Хамоватый мужчина средних лет»

ПОМНИТЕ, у Булгакова: «Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила сразу нас обоих!» Вот эту внезапно вспыхнувшую любовь Анатолий ЛОБОЦКИЙ сыграл в фильме Владимира Меньшова «Зависть богов» так пронзительно, на такой нежной ноте, что его запомнили сразу. Редкий дар - играть любовь - угадал в своем ученике и Андрей Гончаров. За восемнадцать лет работы на сцене Театра Маяковского кого только актеру не приходилось искушать, обманывать и обожать. Недаром в «Забавах Дон Жуана» Анатолий играет самого опасного и самого желанного искушителя в мире. В этом спектакле его сценическое обаяние равно только обаянию великого француза Жерара Филипа. Роднит их еще и осьмушка французской крови.

- Французы были в роду, но основные корни - польские. Оба деда - поляки. Никакой галантности французской, никакой польской смекалистости в торговле во мне нет. По последним психологическим исследованиям, язык формирует мышление, а я родился не в Париже, а в Тамбове. Так что я - обычный, даже слегка хамоватый русский мужчина средних лет.

- В «Зависти богов» ваш герой влюбляется в женщину с первого взгляда. А вы сами способны на такой порыв?

- В любовь с первого взгляда верю. Но мне это несвойственно. Я увлекающийся человек, но так, чтобы увидел и понял, - нет. Очень люблю раздумывать, копаться, анализировать свои ощущения. Этакий мазохист-аналитик. У меня процесс идет медленно. Но по восходящей. Могу долго-долго влюбляться в женщину. Она меня уже разлюбила, знать не хочет, а у меня процесс все идет, идет. И, когда я на пике, удивленно озираюсь: ой, а где же она?

- Ваша жизнь течет плавно?

- Моя жизнь плавно, но кардинально постоянно меняется.

- Не боитесь перемен?

- Как всякий ленивый и не очень легкий на подъем человек, перемен не люблю и опасюсь. Но, когда долго ничего не происходит, начинаю киснуть, становлюсь вялым, меня посещают депрессии. С тайным страхом жду этих перемен. И вот они, наконец, происходят, я начинаю их тихо ненавидеть. Такая вот цикличность. С возрастом циклы удлиняются.

- Жизнь актерская оказалась похуже на ту, о которой мечтали?

- Нужно начать с того, что я не мечтал об этом. Стал актером случайно. Семнадцатилетним оболтусом поступил на режиссерское отделение Института культуры. Двигало мною совсем не высокое желание служить искусству, а причины более прозаические - тогда вуз освобождал от службы в армии. За 4 года учебы кое-что понял в этой профессии, решил, что смогу ею заниматься. Что касается актерской жизни... Ее можно узнать, только став актером. Мне вообще непонятно это придыхание «ах, мир актера!». Ну а мир токарей? Мир пекарей?

- Почему-то никто не грезит о мире токарей.

- Напрасно. У них тоже свой мир. В Лондоне, например, есть закрытый клуб

токарей.

- Но токарю не дано выточить какую-нибудь супердеталь и проснуться знаменитым.

- Так вы о тщеславии? Поверьте, у меня нет удушающего желания быть узнаваемым, популярным. Поклонницы для меня - не доказательство признания. Я не в том возрасте, когда внешние атрибуты актерской жизни дают какое-то удовлетворение. Удов-

летворить меня может только моя работа. Если сделал ее хорошо, у меня все нормально. Если сделал плохо, никакие поклонницы, никакие средства массовой информации не убедят меня в том, что я хороший артист.

- Вы часто отказываетесь от предложенных ролей? Или, как многие актеры, суеверны?

- При чем здесь суеверие?

- Вдруг больше не предложат?

- Я как-то об этом не думаю, ну не предложат - им же хуже. Деньги, да. Но пока, тыфу-тыфу, у меня остается театр. Где я человек, опять же тыфу-тыфу, востребованный. Так что для самореализации, опять же тыфу-тыфу, не вижу никакой опасности. А от кино или антрепризы, которые предлагают, легко отказываюсь, если мне неинтересно.

- Сальвадор Дали утверждал, что художник должен быть богатым, а у нас бытует мнение, что художник должен быть голодным.

- Не надо голодным. Очень хорошо, если художник богат, значит, у него есть время подумать и сделать что-то приличное. А когда сейчас делаю все практически на бегу... Очень надеюсь, что у меня есть три месяца, чтобы выпустить спектакль. На эти три месяца выпадаю из жизни. Никаких съемок. Буду только играть спектакли и репетировать.

- Вы нуждаетесь в одиночестве или уединении?

- В уединении, очень хорошее слово. Хотя одиночества я совершенно не боюсь. Комфортно себя чувствую один. Но постоянное одиночество - это какая-то психическая аномалия.

Марина НЕВЗОРОВА
Фото Михаила ГУТЕРМАНА

Архивировано и передано. - 2002 - нояб. (№ 45) - с. 17

Анатолий Лобочкин - философский магистрант (19/15/1409.